

П. Н. БЕРКОВ

Заметки к истории изучения „Слова о полку Игореве“

1. Первое объявление о продаже „Слова о полку Игореве“

Среди источников для истории первого издания „Слова о полку Игореве“ до сих пор не обращало на себя внимания исследователей любопытное объявление, помещенное в „Московских ведомостях“ (1800 г. 5 декабря, № 97, стр. 2099—2101) и затем дважды повторенное (12 декабря, № 99, стр. 2149—2151 и 19 декабря, № 101, стр. 2200—2202). Объявление это шло от имени купца Кольчугина, или, как он назван в тексте „Московских ведомостей“, Кальчугина, но едва ли сам Кольчугин составил это объявление. Из текста объявления явствует, что перечисленные в нем книги даны Кольчугину лишь „по комиссии“, иными словами, не Кольчугин является заинтересованным лицом, а кто-то другой. Вместе с тем, о гр. А. И. Мусине-Пушкине в объявлении говорится в исключительно хвалебном тоне, что, конечно, свидетельствует, что автором объявления сам граф не мог быть. Таким образом, можно почти без колебаний считать, что объявление это было написано кем-то из лиц, близких к гр. А. И. Мусину-Пушкину, может быть Н. Н. Бантышом-Каменским, опытным библиографом, может быть А. Ф. Малиновским.

Объявление начинается общей частью, посвященной суммарной оценке книг по отечественной истории, далее говорится об их патристически-воспитательном значении, и, наконец, автор переходит к характеристике гр. А. И. Мусина-Пушкина как издателя и ученого. Последний рекомендуется в качестве „любителя отечественной истории и ее древностей, тонкого и просвещеннейшего исследователя исторической истины“, далее указывается, что рецензируемые ниже четыре книги, изданные графом, „обогащены от него примечаниями, делающими великую честь обширным его сведениям в науках и словесности“.

Затем публикуются описания и аннотации к „Правде Русской“ (М., 1799), „Ироической песни о походе князя Игоря“ (М., 1800), „Историческому исследованию о местоположении древнего российского Тму-тараканского княжения“ (СПб., 1794) и „Историческому разысканию о времени крещения российской великой княгини Ольги“ архиепископа Евгения Булгара СПб., 1792). К этому основному объявлению примыкают объявления о нескольких книгах, также продающихся у Кольчугина; одна из них непосредственно связана с основным объявлением — это „Духовная князя Владимира Мономаха“ (СПб., 1793), изданная также гр. А. И. Мусиным-Пушкиным. Вероятно, этой книги на складе у издателя уже не было, и на комиссию были сданы Кольчугину только четыре перечисленные выше книги.

Все это объявление, вероятно, окажется нелишним при изучении издательской деятельности гр. А. И. Мусина-Пушкина (поэтому в полном виде оно приводится ниже). Важнее же всего прочего для целей настоящей заметки та часть объявления, которая посвящена „Слову о полку Игореве“. По объему эта аннотация — не самая большая. После библиографического описания идет информационная часть, передающая вкратце содержание произведения. „В поэме сей, — говорит автор объявления, — описан неудачный поход князя Игоря Святославича против половцев в 1185 г., и сочинитель, сравнивая сие несчастное поражение (приведшее всю Россию в уныние) с прежними победами, над половцами одержанными, припоминает некоторые достопамятные происшествия и славные дела многих российских князей“.

Вслед за информационной частью идет литературно-оценочная: „Любители российской словесности найдут в сочинении сем дух русского Оссиана, оригинальность мыслей и разные высокие и коренные выражения, могущие послужить образцом витийства. Почтеннейший издатель сверх прекрасного и возвышенности слога соответствующего преложения, присовокупил еще разные исторические примечания, к объяснению материи слушащие“ (№ 97, стр. 2100).

Если сопоставить эту аннотацию с „Историческим содержанием Песни“, напечатанным в первом издании „Слова“, то станет очевидным, что аннотация составлена из выдержек указанного „Содержания Песни“. Слова: „Сочинитель, сравнивая сие несчастное поражение“ и т. д., кончая: „славные дела многих российских князей“ — находятся в „Историческом содержании“ („Ироическая песнь...“, стр. V). Словам объявления: „Любители российской словесности найдут в сочинении сем дух русского Оссиана, оригинальность мыслей и разные высокие и коренные выражения, могущие послужить образцом гитийства“ — соответствуют в „Содержании“ следующие фразы: „Любители российской словесности согласятся, что в сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссианов... Нет нужды замечать возвышенных и коренных в сей поэме выражений, могущих навсегда послужить образцом витийства“ („Ироическая песнь...“, стр. VI).

Трудно предположить, что эту аннотацию, хотя бы на основе предисловия к „Слову“, составил купец Кольчугин, человек далекий от литературы.¹ Но был ли автором ее Г. Н. Кольчугин или кто-либо из окружения гр. А. И. Мусина-Пушкина, — во всяком случае, это объявление было первым своеобразным отзывом в русской периодической печати на выход „Слова о полку Игореве“ из печати.

Приводим полный текст объявления:²

Между полезными и заслуживающими наибольшее одобрение всякого здравомыслящего читателя книгами, изданными доселе на российском языке и вновь издаваемыми, самое первое по справедливости занимать должны место те, кои относятся до отечественной нашей истории и, представляя картину времен отдаленных, изображают дух тогдашнего века, обычаи, употребление и узаконения оного, патристическую любовь древних наших соотечественников, беспритворную правду и неизменяемую простоту оных, разительно потомков их удивляющую, и многие другие, не менее важные предметы, удобные остановить внимание наше, возбудить и воспламенить любовь к дражайшему отечеству, и усилить верноподданническую ревность и усердие к достославным монахам, возводящим исполнскими шагами Россию на верьх величия и славы и ниспосылающим с высоты престола на подданных своих благоденствие, каковому немногие примеры найдутся в бытописаниях других народов. Не распространяя сь

¹ Повидимому, это Григорий Никитич Кольчугин, а не его отец Никита Никифорович. См. П. К. Симонг. Материалы к истории русской книжной торговли в XVIII—XIX столетиях. Вып. I. Н. И. Новиков и книгопродавцы Кольчугины. СПб., 1907, изд. 2-е, Л., 1927.

здесь в наименовании многих других в семь роде книг, нужным почитается привести чрез сие на память почтенной публики токмо следующие четыре творения, тем паче, что оныя изданием своим в свет обзаваны одному из почтеннейших наших соотечественников, любителю отечественной истории и ее древности, тонкому и просвещеннейшему исследователю исторической истинны, и обогащены от него примечаниями, делающими великую честь обширным его сведениям в науках и словесности:

1. *Правда Русская, или Законы Великих Князей, Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха*, сложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших; М., 1799. — Изданные доныне под сим именем в 1767 и 1786 годах Ярославовы законы весьма неполны, неисправны и недостаточны; но здесь оныя выдаются с самого верного списка, сличенного со многими другими рукописями, пополненного и исправленного, и присовокуплено во-первых *объяснение* и толкование смысла *древних* и почти совсем уже из употребления вышедших слов, основываясь на достовернейших источниках; а потом *замечания* о современных оным законам нравах, обычаях и образах общежительных и судопроизводных, кои, быв извлечены из самых редких рукописей, и отличаясь духом любознания и нравственности, а равномерно плавностию и приятностию слога, представляют из себя сколько занимательное и любопытное, столько же и наставительное и для любителей истории наиприятнейшее чтение.

2. *Ироическая Песнь о походе на Половцев Удельного князя Новгород-Северского, Игоря Святославича*, писанная старинным русским языком в исходе XII-го столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800. — В поэме сей описан неудачный поход князя Игоря Святославича против половцев в 1185-м году, и сочинитель, сравнивая сие несчастное поражение (приведшее всю Россию в уныние) с прежними победами, над половцами одержанными, припоминает некоторые достопамятные происшествия и славные дела многих российских князей, — любители российской словесности найдут в сочинении сем дух русского Оссана, оригинальность мыслей и равные высокие и коренные выражения, могущие послужить образцом витийства. Почтеннейший издатель, сверх прекрасного и возвышенности слога соответствующего предложения, присовокупил еще разные исторические примечания, к объяснению материи служащие.

3. *Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения*, изданное по высочайшему ее императорского величества, Екатерины II, самодержицы всероссийской, повелению СПб., 1794. — Здесь предлагается исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения (острова Тамана), выбранное из разных достовернейших летописей, с доводами, опровержением ложного заключения некоторых действителей, и многими объяснениями. Для большего же удостоверения присовокуплены к сему исследованию: 1) Родословник князей российских, владевших в Тмутаракани; с генеалогическою таблицею, на меди вырезанною; 2) рисунок с найденного на острове Тамане в 1793 году мраморного камня со словами, в точной их величине и почерке в двух строках на боку оного высеченными; 3) чертеж, изображающий часть древней России с окрестными народами и 4) описание означенных в нем народов, городов и урочищ, с показанием, откуда сведения сии взяты.

4. *Евгения Булара, архиепископа славенского и херсонского, историческое розыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги*, писанное на латинском языке с присовокуплением российского перевода. СПб., 1792. — Сочинение сие преславленного архиепископа Евгения, мужа высокого ума, учением своим в Европе прославившегося, и одобряемого за свои сочинения учеными обществами, отличается тонкостию исторического розыскания, основательностию доводов и правильностию суждения, а сверх того быв писано на латинском языке самым прекраснейшим и цветами испещренным слогом, рекомендует себя не только любителям истории, но и упражняющимся в латинской литературе может служить образцом краснописания. Со стороны типографической напечатана книга сия со всевозможною чистотою, и украшена двумя эстампами, прекрасно выгравированными славным художником в Санкт-Петербурге, Валкером, из коих один изображает портрет просвещенного Евгения, а второй представляет, как российская великая княгиня Ольга просвещена святым крещением в Цареграде. —

Все вышеупомянутые четыре книги продаются по комиссии в книжных купца Кольчугина лавках, что на Никольской улице, по нижеследующим ценам:

Правда Русская, в перепл. 210 коп.

Ироическая Песнь и пр. в бум. 130 коп.

Историческое исследование и пр. в пер. 330 коп.

Евгения Булара и пр. в перепл. 330 коп.

Иногородные, желающие получить сии книги, присовокупают за пересылку по 2 коп за каждые 100 верст.

В оных же лавках продается того же почтеннейшего издателя книжка, под титулом: *Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим*, названная в летописи суздальской: *Почтение*, СПб., 1793, без перепл. 60 коп., в папке 1 руб.

2. К истории гибели рукописи „Слова о полку Игореве“

В научной литературе о „Слове“ о гибели драгоценной рукописи говорится всегда очень кратко: она погибла, вместе с библиотекой владельца, во время московского пожара 1812 г. В книге У. Г. Иваска „Частные библиотеки в России“ (СПб., 1912, ч. II, стр. 12) приведены обстоятельные библиографические указания относительно библиотеки Мусина-Пушкина. Из них видно, что первые сведения о судьбе этого ценного собрания были по горячим следам сообщены в „Вестнике Европы“ в 1813 г.¹ Все последующие авторы, говоря о гибели рукописи „Слова“, просто повторяли это раннее указание.

Тем больший интерес представляют данные, затерянные на страницах одной из дореволюционных распространенных газет, почему-то не привлеченные внимания литературоведов.

В № 6 „Московских ведомостей“ за 1912 г. (8 января, стр. 3) в отделе „Московская жизнь“ был помещен отчет о состоявшемся за несколько дней до того заседании славянской комиссии Московского Археологического общества. В заключительной части газетного отчета сказано следующее:

„Присутствовавший на заседании председатель Тверской ученой архивной комиссии И. А. Иванов сделал интересное дополнение [к предыдущему сообщению Н. Н. Кононова о „Слове о полку Игореве“] о гибели в 1812 году оригинала „Слова“. В трудах Тверской комиссии напечатаны воспоминания княгини Мещерской, внучки Мусина-Пушкина, которому принадлежала эта рукопись. По словам княгини, рукописи, вместе с другими драгоценностями, не успели вывезти из Москвы при приближении к Москве французов, а зарыли в потайных подвалах двора дома ее деда. Французы, квартировавшие в доме Мусина-Пушкина, вскоре вступили в дружеские отношения с прислугой этого дома и вместе пировали. После одной из таких пирушек французы упражнялись на дворе в стрельбе в цель. Одна из крепостных девушек проговорила: „Какие у вас ружья! Вот у нашего-де барина зарыто вот здесь, под землей, оружие много лучше вашего!“ Таким образом, французы проникли в подземелье и уничтожили драгоценный памятник письма“.¹

К сожалению, газетный хроникер не отметил, как отнеслись к сообщению И. А. Иванова присутствовавшие на заседании московские ученые. Нельзя это установить и по протоколам заседаний Славянской комиссии, так как последние опубликованы только по 1911 г. включительно („Древности. Труды Славянской Комиссии“, т. V).

В газетной заметке есть ряд неточностей, сбивающих исследователя. По словам хроникера, И. А. Иванов указал, что воспоминания княгини Мещерской были напечатаны в трудах Тверской ученой архивной

¹ „Ныне сие единственное и драгоценнейшее стяжание, многолетними трудами и большим изданием собранное, к крайнему сожалению почти все в Москве погибло, исключая только тех летописей и выписок, кои по счастью находятся у г-на историографа Карамзина, в числе коих и летопись за подписанием Кривоборского, и одной пергаментной рукописи, сохраненной председателем общества истории и древностей российских Бекетовым, в коей помещены Правда Русская, договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригю и Устав Ярослава о мостниках — и тех книг, кои были у него в деревне“ (№ 21 и 22, стр. 85).

комиссии. Но Тверская комиссия „Трудов“, подобных „Трудам“ других архивных комиссий, не издавала (она ограничилась выпуском „Журнала заседаний“). Тем не менее, И. А. Иванов был прав: в 1902 г. в Твери вышли в свет „Воспоминания княгини С. В. Мещерской“ (Тверь, 1902, VIII, 21 стр.).

Княгиня Софья Васильевна Мещерская, урожденная княжна Оболенская, родилась 24 января 1822 г. и умерла 3 июня 1891 г.¹ Она была дочерью кн. Екатерины Алексеевны Оболенской, рожденной Мусиной-Пушкиной (1786—1875),² и кн. Василия Петровича Оболенского (1780—1834).³ Таким образом, кн. С. В. Мещерская действительно приходилась внучкой гр. А. И. Мусину-Пушкину.

Эпизод, сообщенный И. А. Ивановым в заседании Славянской комиссии 6 января 1912 г., находится в „Воспоминаниях“ кн. Мещерской на стр. 10—11 и изложен так:

„1812-й год надвинулся и тревожно отразился на всех. Уезжая на лето в Ярославское имение, когда уже предвиделось вторжение Наполеоновских полчищ в Россию, но еще казалось невозможным поражение Москвы, граф из предосторожности убрал драгоценные свои коллекции и рукописи в кладовые. Они помещались в подвальном этаже со сводами и, по приказанию графа, вход в них замурован. Когда неприятель уже подвигался за отступающими нашими войсками, граф послал несколько подвод для вывоза из дома всего, что можно; картины были вынуты из рам и скатаны, серебро и мраморные изваяния уложены,— много хорошего, но и много без всякой цены было перевезено в деревню. До запертых кладовых уже не посмели дотронуться.

Несколько семей дворовых людей остались при доме.

Когда французы вошли в Москву, многие из них поместились в Пушкинском доме и обратались с людьми графа. Раз в нетрезвом виде друзья французы хвастались своими ружьями.

«Такие ли у нашего графа? гораздо лучше!» — «Где-же?» —

«Да вот тут за стеной».

Стена была пробита и все разграблено, а позже окончательно погребло в пожаре.

С христианским чувством покорности воле божией, перенес граф потерю своих драгоценных коллекций, собранием которых занимался в течение всей своей жизни.

Некоторые рукописи, как то: подлинное „Слово о полку Игоря“ и часть Несторовой летописи были спасены от гибели тем, что находились в то время у историографа Карамзина“.

Из приведенного отрывка явствует, что перед нами семейное предание, в нем есть какая-то доля истины и какая-то доля фантазии. Обращает на себя внимание утверждение мемуаристки, будто „подлинное Слово о полку Игоря и часть Несторовой летописи были спасены от гибели тем, что находились в то время у историографа Карамзина“. Ошибка ли это памяти или семейная традиция, сказать трудно. Во всяком случае, забыть эту версию о спасении „Слова“ едва ли следует.

¹ Газетный отчет „Московских ведомостей“ был перепечатан в „Прибавлениях к выпуску 46-му Известий Императорской Археологической Комиссии“, 1912, стр. 4.

² *Русский провинциальный некрополь*. М., 1914, т. I, стр. 549. *Небольшая биография С. В. Мещерской* написана кн. А. Мещерским и приложена к ее „Воспоминаниям“, стр. I—VIII.

³ *Московский некрополь*. СПб., 1908, т. II, стр. 354.

3. К вопросу о первом упоминании о „Слове“ в печати

В № 36 „Литературной газеты“ от 25 августа 1945 г. была помещена статья старшего научного сотрудника Государственного Литературного музея С. Ф. Елеонского, озаглавленная „Песнь Игоревых воинов. Первое печатное сообщение об открытии «Слова о полку Игореве»“ (стр. 4). Статья начинается вопросом, когда появилось в печати первое известие об открытии „Слова о полку Игореве“. Указав, что обычно принято считать первым упоминанием о памятнике письмо Н. М. Карамзина к издателю гамбургского журнала „Spectateur du Nord“ (1797, octobre), где сообщалось о недавней находке „Слова“, С. Ф. Елеонский отвергает общепринятую точку зрения: „На самом же деле вовсе не гамбургскому изданию принадлежит честь самого первого сообщения об открытии «Слова». Нам удалось установить, что прежде всего о нем известила русская книга, напечатанная в Москве в самом начале 1797 года и что приоритет в этом отношении принадлежит не Карамзину, а М. Хераскову. В заграничный журнал эта информация попала лишь десять месяцев спустя после того, как Херасков сообщил о недавно найденной рукописи «Слова» в комментарии к своей поэме «Владимир»“.

Из только что приведенной цитаты явствует, что и автор статьи, и редакция „Литературной газеты“, поместившая работу С. Ф. Елеонского без каких-либо оговорок, полагали, что именно теперь впервые устанавливается факт, до сих пор странным образом оставшийся неизвестным в науке.

На самом деле, ряд ученых задолго до С. Ф. Елеонского, правда, без каких-либо притязаний на открытие, давно уже отмечал этот факт. Некоторые из этих упоминаний принадлежат видным ученым и находятся в широко известных изданиях. Так, например, в „Истории русской литературы“ А. Н. Пыпина, в том месте, где автор говорит о „смутных понятиях“ писателей XVIII в. „о древней народной поэзии“, читаем следующее: „Инстинкт привлекал к ней (народной поэзии) писателей, но они не знали, куда поместить их с точки зрения псевдо-классической литературной теории. Приводим несколько примеров, которые мало были замечены у историков литературы“ (СПб., 1897; цит. по 4 изд., без перемен, 1913, т. IV, стр. 123). Сообщив затем выдержку о былинах и духовных стихах из „Примечаний на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка“ И. Н. Болтина (стр. 123—124), А. Н. Пыпин продолжает: „Слово о полку Игореве упомянуто Херасковым в поэме «Владимир» (Творения, ч. II, 1797, стр. 300—301). При описании битвы:

Но битву описать, нет кисти у меня“ и т. д.

Приводится отрывок в 16 стихов, кончая словами:

Во, и моим пером, учи играть на лире.

Кроме того, в примечании к стиху:—

О! древних лет певец, полночный Осиян!—

А. Н. Пыпиным сделана сноска, воспроизводящая примечание автора „Владимира“: „Недавно отыскана рукопись, под названием: Песнь полку Игореву, неизвестным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки, в ней упоминается Баян Российский песнопевец“ (стр. 124).

Вслед за этим А. Н. Пыпин отмечает, что „в другой раз Слово о полку Игореве упоминается в «Бахариане» (М., 1803; глава пятая, стр. 127)“, и приводит 24 стиха из этой поэмы, в которых М. М. Херасков использует образы „Слова“ (стр. 124—125).

Таким образом, почти за полвека до С. Ф. Елеонского в популярном труде популярного автора, правда, петитом, говорилось о херасковском примечании, сообщавшем русскому читателю о драгоценном наследии древне-русской поэзии.

Сообщение А. Н. Пыпина не прошло незамеченным. В 1900 г. И. И. Замотин, не ссылаясь, впрочем, на „Историю русской литературы“ Пыпина, говорит в своих „Ранних романтических веяниях в русской литературе“ (Варшава, 1900) об отношении Хераскова к Оссиану и приводит часть цитированных Пыпиным стихов из поэмы „Владимир“:

О древних лет певец, полночный Оссиан!
В развалинах веков погребшийся Баян!
Тебя нам возвестил незнаемый писатель,
Когда он был твоих напевов подражатель,
В них слышны, кажется мне, песни соловьины,
Отважный львиный ход, парения орлины...

(Назв. соч., стр. 56—57).

Кратко охарактеризовав значение этого места из „Владимира“, И. И. Замотин бегло касается и упоминавшихся Пыпиным стихов из „Бахарианы“.

Почти одновременно с С. Ф. Елеонским вспомнил о Хераскове Л. А. Творогов в статье „Как было открыто «Слово о полку Игореве»“ (Псковская правда, 1945, 14 ноября, № 215). Указав, что в 1795 г. гр. Мусин-Пушкин, обнаружив в принадлежавшем ему сборнике „Слово“, велел изготовить с рукописи, перевода и примечаний три копии, из которых одну преподнес Екатерине, вторую переслал в 1796 г. из Петербурга, где он тогда находился, в Москву М. М. Хераскову, „обще-признанному главе русских поэтов того времени“, прибавив, что третий экземпляр был предложен для издания В. С. Солякову, который почему-то от предложения отказался, А. А. Творогов продолжает: „Только один Херасков достойно оценил присланные ему Мусиным-Пушкиным материалы, использовав их для новой редакции своей поэмы «Владимир» которую он вскоре же и издал с указанием о находке «Слова»“.

Таким образом, сведения о том, что Херасков был первым из русских поэтов, упоминавших „Слово“ вскоре же после его открытия, не являются чем-то новым в науке. С. Ф. Елеонскому принадлежит только честь указания на то, что Херасков сообщил в печати о „Слове“ за десять месяцев до статьи Карамзина в „Spectateur du Nord“.

Однако можно полагать, что еще за пять лет до херасковского упоминания о „Слове“ в печати появились материалы, которые отразили, правда, в очень неотчетливой форме, знакомство с началом мусин-пушкинской рукописи. В февральской книге журнала „Зритель“ (1792), издававшегося П. А. Плавильщиковым, А. И. Клушиным и И. А. Крыловым, в статье „Нечто о врожденном свойстве душ российских“ Плавильщиков, говоря о добродетелях древних россиян, восклицает: „Но какая это добродетель, есть ли нет просвещения? Не оттого ли русские о своих подвигах молчали, что письменна им были неизвестны? Древность истории нашей, грамоты мира и заключения союзов доказывают неоспоримо, что у нас были писанные законы, ученость имела свою степень возвышения, и даже во дни Ярослава сына Владимирова были стихотворные поэмы в честь ему и детям его. Хотя варварское нашествие татар, поработя Россию, разрушило все, существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной, и может быть, Россия вскоре их увидит: есть еще любители своего отечества, которые не щадят ничего, дабы собрать сии сокровища.“

Все читают Ярославову Правду; все читают заключенные мирные договоры Олега и последователей его с императорами греческими. История Александра Великого во многих местах говорит о скифах славянах, и даже их речи помещает Курций... было письмо, следовательно, было и просвещение, но свойство душ оставалось одно и то же" (Зритель, 1792, февраль, стр. 24—25). Февральская книжка „Зрителя“ имеет цензурное одобрение, подписанное „отправляющим должность Санктпетербургского полициймейстера Андреем Жандром“ 25 февраля 1792 г.

Когда была приобретена гр. А. И. Мусиным-Пушкиным рукопись, содержащая „Слово о Полку Игореве“, точно не известно. В письме от 31 декабря 1813 г. К. Ф. Калайдовичу граф сообщал глухо, что „Слово“, вместе с другими рукописями, было куплено его комиссионером у архимандрита Иоиля в последние годы жизни последнего (Е. В. Барсов. Слово о Полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887, т. I, стр. 36). К сожалению, ни в одном известном мне источнике не сохранилась дата смерти архимандрита Иоиля. Так как Мусин-Пушкин указывал, что Иоиль проживал в это время уже не в монастыре, который был упразднен, а в архиерейском доме, то можно считать, что покупка состоялась не ранее 1788 г., года упразднения Спасо-Преображенского монастыря.¹

Л. А. Творогов обратил мое внимание на следующее сообщение Барсова (ук. соч., стр. 33): „Было мнение, основанное, впрочем, на предании, что исторические и филологические примечания (к изданию Мусина-Пушкина) писал известный тогдашний критик Болтин“. Хотя это „предание“ и не подтвердилось позднейшими исследованиями, однако, повидимому, какое-то отношение к „Слову“ Болтин, бывший в близкой связи с Мусиным-Пушкиным (см. Русский биографический словарь, Бетанкур-Бякстер. СПб., 1908, стр. 192), все же имел. А так как Болтин умер 6 октября 1792 г., то, следовательно, рукопись „Слова“ была доставлена Мусину-Пушкину на рубеже 1780—1790 г.; вероятно не позднее 1791 г. В таком случае цитированное выше упоминание в статье Плавильщикова „стихотворных поэм в честь Ярослава сына Владимира и детей его“ могло быть отголоском разговоров о незадолго до того приобретенной рукописи „Слова“, и все намеки на любителей отечественных древностей относятся к графу Мусину-Пушкину.

Если это так, то, очевидно, первым сообщившим о „Слове“, хотя и не прямо, был не Херасков, а Плавильщикова.

Отмечу попутно, что еще до опубликования „Слова“ (1800) сведения о нем и о боянах — певцах проникали в литературные круги и отразились даже в печати. Таково, например, стихотворное произведение восемнадцатилетнего В. Т. Нарезного „Песни Владимиру Киевских баянов“, помещенное в журнале „Приятное и полезное препровождение времени“, 1798, ч. XX, стр. 378—384. В этом стихотворении,² кроме упоминания „баянов“ в заглавии, нет никаких признаков более близкого знакомства автора со „Словом о полку Игореве“. Однако даже это немногое представляет интерес: дело в том, что у Хераскова во „Владимире“ (1797) имя Баян употребляется как собственное, тогда как у Нарезного оно имеет значение нарицательного. При нашем современном знании материала трудно решить, зависел ли Нарезный от Хераскова, или перед нами факт, говорящий и о других источниках знакомства тогдашних русских писателей со „Словом“. Второе представляется мне более вероятным.

¹ Данилов, В. В. Архимандрит Иоиль (К открытию „Слова о полку Игореве“). Дела и дни, 1920, т. I, стр. 389—391.

² Подзаголовок гласит: „На прибытие его [Владимира] в столицу по совершении Херсонского похода, во время которого он крестился“.

4. К библиографии переводов „Слова о полку Игоре“

Многочисленные переводы „Слова о полку Игоре“ как на русский, так и на прочие языки давно уже учитываются исследователями и библиографами. В библиографиях „Слова“ В. П. Адриановой-Перетц и С. К. Шамбинаго приводятся данные о переводах „Слова“, полностью или в отрывках, на двадцати восьми языках. Подсчитать число переводов нелегко; тем более что в обеих библиографиях не все сполна учтено. Ниже помещаемые данные представляются поэтому не лишены значения.

В „Новом энциклопедическом словаре“ Брокгауза и Ефрона (т. XXVIII, стлб. 659) в статейке о Петре Ивановиче Нищинском (1832—1896) указывается, что этому автору принадлежит перевод „Слова о полку Игоре“ на древне-греческий язык. П. И. Нищинский был певчим в церковном хоре в Афинах и там же окончил университет.

В т. LXXX „Энциклопедического словаря“ Брокгауза и Ефрона в заметке о польском писателе Людвиге Набеляке (Nabielak Ludwik) сообщено, что ему принадлежит польский перевод „Слова о полку Игоре“ (стр. 234). Впрочем, в „Новом энциклопедическом словаре“ тех же издателей сведений о переводе „Слова“ в статейке о Л. Набеляке нет (т. XVII, стлб. 754). Не упоминает „Слово“ среди переводов Набеляка и Г. Корбут в своей библиографии польской литературы („Literatura polska“. Wyd. 2. Warszawa, 1930, t. III, str. 201—202). Возможно, автор заметки в „Энциклопедическом словаре“ смешал „Слово“ с „Краледворской рукописью“, которую Набеляк действительно перевел.

В библиографии „Слова“ под ред. С. К. Шамбинаго указывается, что существует часть изложение, частью перевод „Слова“ на древне-еврейский язык: Соломоном Манделькерном, автором „Истории России“ (Варшава, 1875, ч. 1, стр. 131—134) было дано „содержание поэмы со стихотворным переводом плача Ярославны“ („Слово о полку Игоре“. Библиографический указатель, под ред. С. К. Шамбинаго, стр. 82). С. Манделькерн был третьестепенным еврейским поэтом, и его перевод иного интереса, кроме библиографического, не имеет.

Гораздо интереснее должен быть перевод „Слова“, сделанный одним из самых крупных еврейских поэтов нового времени, С. Г. Черниковским (1875—1942), писавшим на древне-еврейском языке. Саул Черниковский, наряду с Х. Н. Бяликом, считается основоположником новейшей поэзии на древне-еврейском языке. Помимо оригинальных произведений, ему принадлежат стихотворные переводы „Илиады“, „Одиссеи“, „Калевалы“, „Песни о Гайавате“, „Гильгамеша“, „Рейнеке Лиса“ Гете, „Двенадцатой ночи“ Шекспира, ряда диалогов Платона и пр. В письме к одному из своих знакомых (от 7 октября 1937 г.), писанном по-русски, Черниковский сообщал, что перевод „Слова о полку Игоре“ недавно был им закончен. „Думаю, — писал он, — что перевод недурен, музыкален (размер Калевалы). Разрешаю себе привести несколько строк, надеюсь, что Вы сразу догадаетесь, куда они относятся:

Ke — othó kuki aúfa
 Vemorád Dunáj hanáchal,
 Eth scharwúl bibri artíwa
 V'mei hanáchal, ba — Kajála,¹⁾ и²⁾ т. д.

К сожалению, пользовался старым изданием; мне говорили, что имеется новое советское очень хорошее издание“.

Приведенный только что отрывок — из „Плача Ярославны“. Он действительно музыкален, в нем строго соблюдаются правила так

называемого „сефардского произношения“ древне-еврейского языка, но по такому небольшому отрывку судить о целом едва ли правильно.

Вышел ли перевод Черниковского в свет, мне не известно.

5. Малоизвестный перевод „Слова“ на английский язык

(1918)

В коллекции проф. М. П. Алексеева находится редкое издание „The Tale of Igor. Adapted from the Old Russian Legend by Helen de Vere Beauclerk. With Six Illustrations designed and hand-coloured by Michel Sevier“. 1918. London. C. W. Beaumont, 75 Charing Cross Road W. C. 23 pp.

Книга вышла в количестве 125 нумерованных экземпляров (25 на японской пергаментной бумаге с подписями переводчицы и иллюстратора и 100 на бумаге антик). Экземпляр проф. М. П. Алексеева, помеченный № 20 А, принадлежит к первой группе.

Перевод сделан в прозе. Г-жа Элен де Вир Бьюкларк разделила повьму на три разделенные виньетками главы; первая кончается словами, соответствующими в подлиннике стиху: „Ничить трава жалощами“, вторая кончается плачем Ярославны; бегство Игоря образует последнюю главку. Переводчица не стремилась к точности передачи старорусского текста. Она не придерживалась канонической последовательности эпизодов, следуя в этом отношении некоторым комментаторам. Иногда переводчица позволяла себе безкусные вставки, совершенно неуместные и нарушающие экономную выразительность оригинала. Так, например, плач Ярославны в переводе г-жи де Вир Бьюкларк замыкается следующим сентиментальным возгласом: „Ah! Woeful was the day when first I wept for him“ (р. 20). Глава третья также начинается „отсебятиной“: „Now shall we speak again of Igor brethren, as he lay captive in the Polovetskytents by the river“ (р. 21).

Впрочем, перевод в общем не плох, местами он производит даже приятное впечатление. Переводчица не отяготила свою „адаптацию“ примечаниями, очевидно, предпочитая, чтобы ее перевод воспринимался читателями как сплошная экзотика, непонятная вовсе или малодонятная, но ни в коем случае не как ученый перевод, в котором комментарии совершенно выветривают аромат подлинника.

Можно даже допустить, что в этом издании перевод играл второстепенную роль, служа как бы словесным дополнением к шести иллюстрациям, стилизованным под старорусские рукописные украшения. Фронтиспис представляет воображаемого автора „Слова о полку Игореве“ за работой. Вторая иллюстрация дает „портрет“ Игоря. Третья изображает битву с половцами, четвертая — набег половцев на Русь, пятая — плач Ярославны, шестая — возвращение Игоря.

Манера М. Сивьера не представляет ничего оригинального: „The Tale of Igor“ в художественном отношении примыкает к тому „лубочному“ направлению, которое было модным на Западе и 1917—1924 гг. в период увлечения „русским“ искусством, когда процветали журнал „Жар-Птица“, книги с иллюстрациями В. Масютина, Н. Гончаровой, Ларионова и др.